

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В 2006-2016 ГГ

Шахноза Саидова

Докторант исторического факультета

Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

В начале 2000-х, на фоне усиливающихся экологических вызовов – деградации земель, опустынивания, последствий экологической катастрофы Аральское море и ухудшения состояния водных и природных ресурсов – перед узбекским государством встала задача формирования новой, адаптированной под постсоветскую реальность экологической политики. В этот период законодательная база была постепенно расширена: старый закон «О охране природы» 1992 года уже не полностью отвечал новым вызовам, поэтому требовались обновлённые акты, способствующие комплексному природоохранному управлению.

В 2006–2016-е годы правительство приступило к реализации целого ряда мер, направленных на укрепление нормативной и институциональной основы экологической политики. Одним из важнейших направлений стало создание и развитие системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) – заповедников, природных парков, памятников природы и иных категорий охраняемых земель. Это позволяло закрепить правовой статус природных участков, нуждающихся в сохранении, а также предусмотреть режим охраны, восстановления экосистем и охраны биоразнообразия.

Одновременно с этим государство начало активнее признавать необходимость системного мониторинга состояния окружающей среды, а не разрозненной охраны отдельных природных объектов. Уже в середине 2000-х был разработан набор экологических индикаторов, предназначенных для оценки состояния воздуха, вод, земель, биоразнообразия. Этот шаг имел целью заложить основу для регулярной экологической статистики, принятия обоснованных управленческих решений и оценки динамики экологической ситуации в разных регионах страны. Кроме правового оформления, начался и практический переход к реализации экологических программ. Особенно заметны были шаги, связанные с борьбой с опустыниванием и смягчением последствий экологической катастрофы Арала. Уже к концу рассматриваемого периода в проектах значилась посадка защитных лесонасаждений и кустарников на бывшем дне моря и прилегающих территориях, создание “зелёных поясов”, направленных на стабилизацию почв, снижение пыльных бурь, защиту земель и улучшение экологии регионов.

В сфере водных ресурсов и ирригации был предпринят переход к экономии воды и рациональному ее использованию. Учитывая, что неправильное орошение и чрезмерное

водопотребление были среди ключевых причин экологического кризиса в Аральском регионе, государственная политика стала ориентироваться на пересмотр методов орошения, снижение водных потерь и реконструкцию ирригационных систем. Наряду с техническими и природоохранными мерами, государство постепенно перестраивало структуру управления природоохранной деятельностью. В этот период усиливалась роль специализированных ведомств, призванных координировать природоохранные, климатические и ресурсные вопросы, а также интегрировать экологическую безопасность в общенациональное управление.

Тем не менее, даже при заметных достижениях, эффективность этих мер оставляла желать лучшего – что вытекает из анализа последствий. Во-первых, законодательная и институциональная база, хотя и укреплялась, часто функционировала формально, не обеспечивая полноценного общественного участия или независимого мониторинга. Так, по данным международных отчётов, попытки привлечения общественности к экологической экспертизе и публичным консультациям оставались эпизодическими, не формировали устойчивого механизма «экологического контроля» граждан. Во-вторых, реализация природоохранных программ часто сталкивалась с ресурсными и организационными ограничениями: посадка лесов и озеленение не всегда сопровождалась должным уходом и поддержкой, системы ирригации модернизировались неравномерно, а восстановление экосистем встречало сложные природные и социальные барьеры. Климатические, гидрологические реалии, высокий уровень засоленности почв, исторические последствия прежних методов орошения – всё это усложняло достижение устойчивого положительного эффекта.

Кроме того, даже при росте количества законодательных актов, десятков законов и программ по охране природы и природопользованию, наблюдалась фрагментарность – меры часто оставались локальными, изолированными, без системной связи между различными направлениями: охраной природы, водными ресурсами, сельским хозяйством, энергетикой и социальной политикой. Это мешало формированию целостной экологической стратегии. Наконец, в условиях глобального изменения климата, растущего водного дефицита и усиления деградации земель многие принятые меры оказались недостаточными. Уже к 2016–концу 2010-х стало ясно, что требуется принципиально новая модель – с учётом климатической адаптации, устойчивого землепользования, возобновляемой энергии, модернизации сельского хозяйства и вовлечения общества.

В историческом ракурсе период 2006–2016 гг. можно рассматривать как фазу перехода: от декларативной, элементарной охраны природы – к попыткам комплексного, системного природоохранного управления. Этот этап заложил законодательный, институциональный и программный фундамент для дальнейших преобразований, но

одновременно выявил ограниченность прежних моделей и необходимость глубоких реформ.

После обретения независимости в 1991 году Республика Узбекистан оказалась перед необходимостью комплексного решения острых экологических проблем, сформировавшихся в советский период. Наиболее драматическими вызовами стали экологические последствия освоения земель и водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи, в частности, катастрофическое сокращение уровня Аральского моря, сопровождавшееся солончаковыми процессами, ухудшением качества почв и деградацией экосистем региона¹. Дефицит пресной воды и высокая степень засоления орошаемых земель создали угрозу продовольственной безопасности, а также ухудшили санитарно-гигиенические и социально-экономические условия проживания населения. В постсоветский период данные экологические вызовы приобрели особую социальную остроту, так как разрушение советской централизованной системы управления водными ресурсами и недостаточная институциональная подготовка к автономному управлению природными ресурсами усугубляли кризис².

В начале 2000-х годов начался постепенный переход к формированию национальной стратегии охраны окружающей среды. Этот процесс был обусловлен как внутренними потребностями устойчивого развития, так и внешним давлением международного сообщества, включая инициативы Программы развития ООН (ПРООН), Глобального экологического фонда (GEF) и Всемирного банка по рациональному использованию водных ресурсов и восстановлению экосистем Приаралья³. Важной предпосылкой стало признание недостатков существующей нормативно-правовой базы, которая в значительной мере представляла собой наследие советских законов, ориентированных преимущественно на экономическое освоение ресурсов без должного учёта экологических последствий. Действовавшие законодательные акты не обеспечивали эффективный механизм контроля за антропогенной нагрузкой на природную среду, не стимулировали развитие институциональной системы общественного экологического мониторинга, а также ограничивали участие негосударственных акторов, включая научные и неправительственные организации, в процессе выработки экологических решений⁴.

¹ Glantz M. *Creeping Environmental Problems and Sustainable Development in Central Asia: The Case of the Aral Sea*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 102-156. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cambridge.org/core/books/creeping-environmental-problems/312> (дата обращения: 16.03.2025).

² Micklin P. *The Aral Sea Disaster*. – *Annual Review of Earth and Planetary Sciences*, 2007. – Vol. 35, pp. 47–72. [Электронный ресурс] URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev.earth.35.031306.140120> (дата обращения: 25.02.2025).

³ UNDP. *Addressing Environmental Challenges in Central Asia: National Strategies and International Support*. – New York: UNDP, 2005. – P. 44-59. [Электронный ресурс] URL: <https://www.undp.org/publications/environmental-challenges-central-asia> (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Karimov I.A. *Concept of Environmental Security and Legal Framework of Uzbekistan*. – Tashkent: Uzbekistan Academy of Sciences, 2004. – P. 63-85. [Электронный ресурс] URL: <https://uzscience.uz/publications/karimov-environmental-security> (дата обращения: 08.02.2025).

Анализ исторических предпосылок демонстрирует, что переход к системной экологической политике потребовал интеграции правовых, экономических и институциональных механизмов с учётом международного опыта. Именно в этот период стали формироваться основы национальной экологической стратегии, включая разработку программ рационального использования водных и земельных ресурсов, создание системы особо охраняемых природных территорий, а также внедрение механизмов взаимодействия государства с научным сообществом и неправительственными организациями в сфере мониторинга и охраны окружающей среды⁵. Таким образом, период постсоветской трансформации в Узбекистане можно рассматривать как критический этап, закладывающий фундамент современной экологической политики страны, направленной на преодоление исторических дефицитов и формирование устойчивой системы управления природными ресурсами. В период 2006–2016 гг. в Узбекистане происходило значительное укрепление институциональной структуры, ответственной за охрану окружающей среды, что являлось необходимым шагом для системного управления экологическими процессами. Формирование профильных государственных ведомств сопровождалось расширением их координационных функций, созданием специализированных отделов и агентств, способных решать комплексные задачи природоохранной политики. Так, деятельность Государственного комитета по экологии и охране природы была реформирована с целью повышения эффективности мониторинга состояния окружающей среды, внедрения современных методов экологического контроля, а также интеграции научных данных в процесс выработки управленческих решений⁶. Одновременно укреплялись региональные экологические службы, что позволяло не только централизованно координировать политику, но и адаптировать ее к специфике отдельных территорий, учитывая локальные экологические риски и социально-экономические условия⁷.

⁵ Glantz M., Zonn I. Environmental Challenges in Post-Soviet Central Asia. – Dordrecht: Springer, 2005. – P. 110-138. [Электронный ресурс] URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/1-4020-3541-1> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶ Karimov I.A. Environmental Governance and Institutional Reforms in Uzbekistan. – Tashkent: Uzbekistan Academy of Sciences, 2009. – P. 85-105. [Электронный ресурс] URL: <https://uzscience.uz/publications/karimov-environmental-governance> (дата обращения: 16.12.2024).

⁷ UNDP. Strengthening Environmental Institutions in Uzbekistan: Regional and National Perspectives. – New York: UNDP, 2010. – P. 123-146. [Электронный ресурс] URL: <https://www.undp.org/publications/strengthening-environmental-institutions-uz> (дата обращения: 10.12.2024).